

К Р О К О Д И Л

К-556

ИЗДАНИЕ «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ»

Цена 15 к

ВОСЬМОЙ ГОД
НОМЕР 29
АВГУСТ 1929
МОСКВА

8

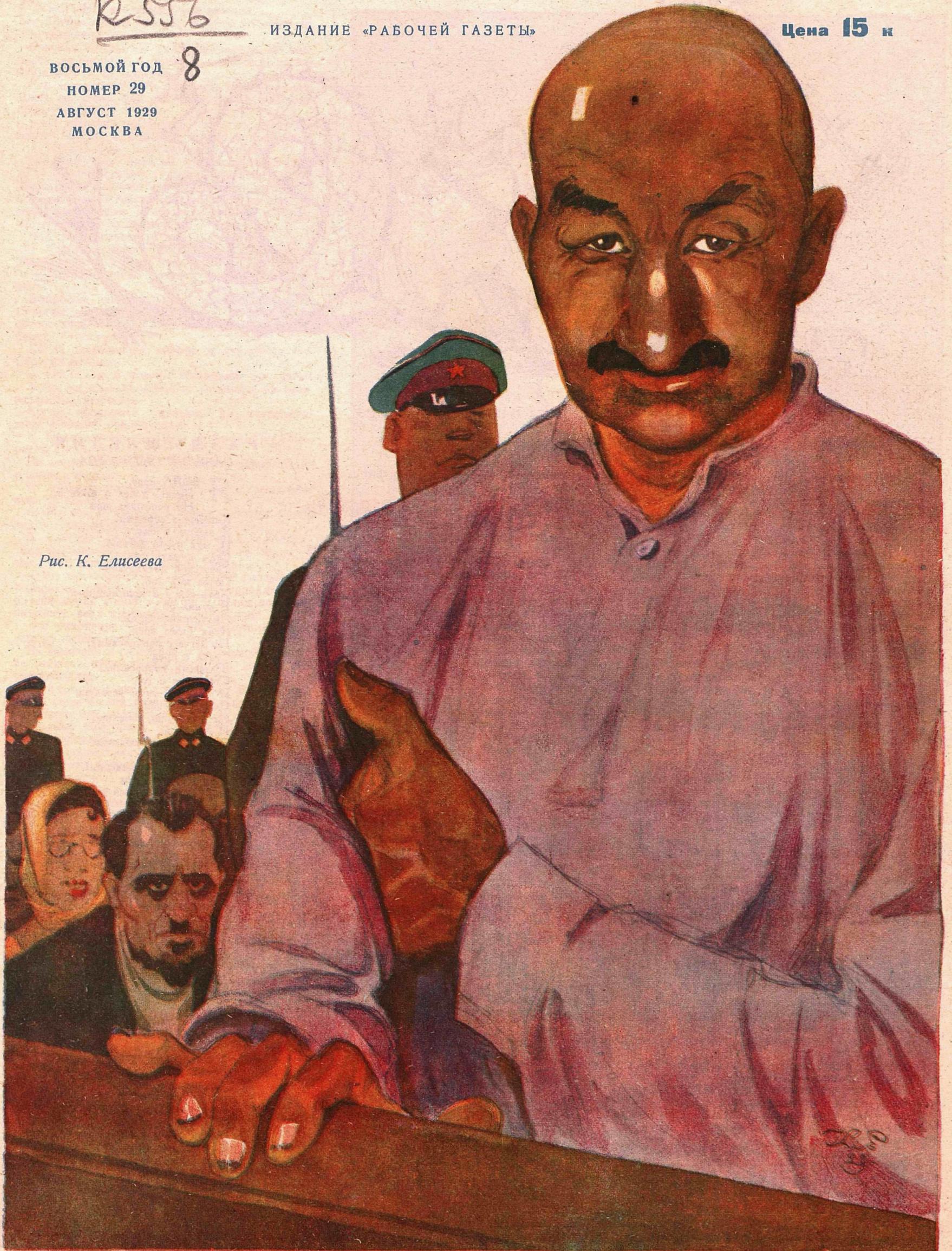
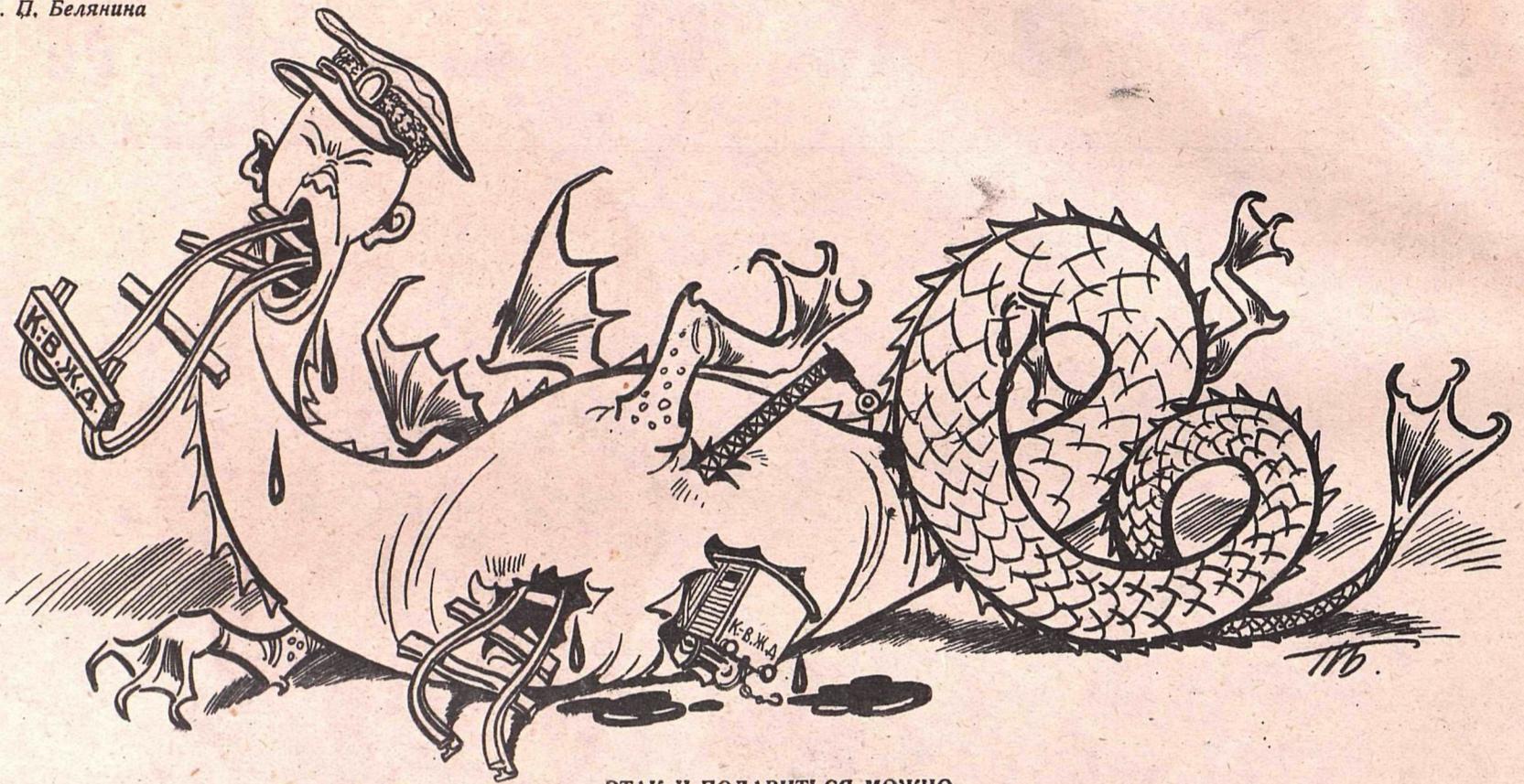

Рис. К. Елисеева

НЕ ОЦЕНИЛИ

АСТРАХАНСКИЙ ЧАСТНИК: — Неужели лет на пять припаяют? А я уже совсем было собрался в социализм врать...

ЭТАК И ПОДАВИТЬСЯ МОЖНО.

КАВЕРЗНЫЕ ВОПРОСЫ

ОДИН и тот же разговор повторяется у меня с Хребтюковым почти каждый день. Выбрав на службе минутку, свободную от работы, и место, свободное от окружения посторонними элементами, Хребтюков хватает меня под-руку и встревоженно бормочет:

— А я все-таки, знаешь, как-то беспокоюсь... Что бы там ни писали, а экзаменуют же все-таки!.. Как ты думаешь, какие они могут задавать вопросы?..

— Кому?..
— Ну, вот, хотя бы мне...
— Да нет: кому это интересно, я спрашиваю!..

Хребтюков обижается:
— Ну, вот: тебе все шуточки, а я серьезно с тобой разговариваю! Сегодня, правда, опять написано, что партчекта не должна быть экзаменом, но мало ли что?.. Некоторые проверкомы все-таки экзаменуют. Если б хоть знать заранее, из какой области... Как ты думаешь, какие могут быть вопросы?..

— Всякие могут быть... — говорю я, осторожно освобождая свою руку. — Ну, например: когда был основан первый Интернационал?..

— В тысяча восемьсот шестьдесят четвертом! — радостно отвечает Хребтюков. — Это-то я знаю.

И опять омрачается:
— Это простой вопрос. А они иногда ведь каверзные вопросы задают... Например, — какую речь произнес Робеспьер десятого сентября тысяча семьсот девяносто шестого года?..

— Не было тогда Робеспьера...
— Знаю, что не было! Но ведь они нарочно! Сейчас-то вот я знаю, а на чистке, от волнения, могу и сбиться... Или, например, спросят, в каком...
Я окончательно высвобождаю руку и спасаюсь бегством. Хребтюков вздыхает и печально, озабоченно бредет к своему столу. На столе у него вместе с очередными бумагами лежат «Итоги партконференции» и «Курс политграмоты», — в свободное от работы и посетителей время Хребтюков ищет ответов на каверзные вопросы.

А на следующий день он опять хватает меня под-руку и опять спрашивает:
— Ну, а как, все-таки, ты думаешь?.. Какие, например, могут быть вопросы?..
Вчера я ему ответил:
— Всякие могут быть... Про Астрахань могут, например, спросить.

— Про Астрахань?.. — повторил Хребтюков.
— Про Астрахань.

— Могут, по-твоему, спросить?..
— Могут.

— Ты это серьезно?
— Вполне.

На этот раз мне не пришлось искать спасения в бегстве. Хребтюков задумался, выпустил меня и медленно побрел на место.

Сегодня он подошел ко мне и заявил:

— Могу и про Астрахань.
— Что?..
— Про Астрахань, говорю, тоже могу... Ты говоришь, могут спросить?..
— Могут.

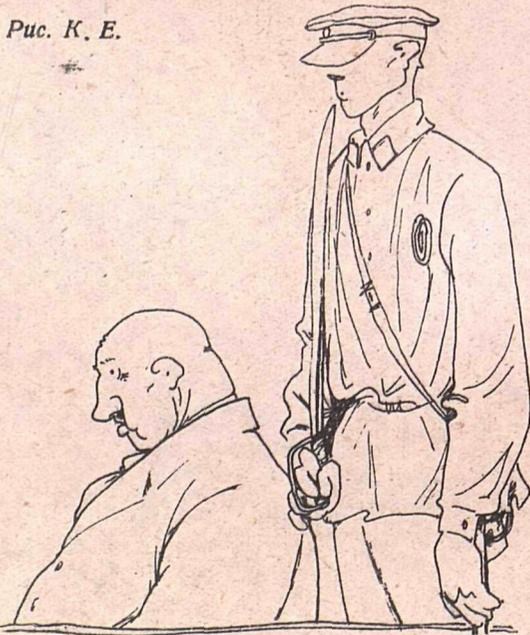
— Ну, вот. Астрахань расположена под сорок шестым градусом северной широты и сорок восьмым градусом восточной долготы на левом берегу Волги, в девятистах шести километрах от впадения ее в Каспийское море... Жителей — сто тридцать три тысячи. Важный центр рыболовства и рыбной торговли. Общий грузооборот астраханских пристаней достигал в довоенное время одиннадцати миллионов тонн, при чем...
— Постой, постой, — взмолился я: — Зачем ты мне об этом рассказываешь, и для чего тебе все это знать?..

Хребтюков удивился:
— Как — «зачем знать»?.. Ты же сам сказал: про Астрахань могут спросить. При чистке-то. Ну, вот: подзубрил на всякий случай!
Затем омрачился и возмущенно развел руками:

— Хотя, знаешь, безобразие все-таки!.. Ну, я еще понимаю: по политэкономии что-нибудь спросить, по истории партии и революции... Но чтоб еще и по географии экзаменовывать партийцев, — это уж чорт знает что!..

Грамен.

Рис. К. Е.

— Борьба объявлена с бюрократизмом, а придрались к растрате. Так-то всякого засудить можно.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

Я ВЗЯЛ перо,
Писать хотел о быте я,
Но вспомнил про

Китайские события.

Я вышел в сад

И, мух пугая веткою,

Стал думать над

Советской пятилеткою.

Потел мой лоб,

Хоть сел я в тень акации:

Я думал об

Индустриализации.

Куря (хоть вред,

Но легче с папиросами).

Стоял я пред

Великими вопросами...

Стоял бы с год

И спину б гнул усталую,

Склоняясь под

Их тяжестью немалою;

И года три

О них иметь суждение

Согласен при

Любом вознаграждении!

Не кровь, так пот

Пролюю по меньшей мере я...

Ведь чист я от

Уклонов и неверия!

Вести могу

Я правильную линию.

В моем мозгу

Приюта нет унынию...

Я все бы снес,

Не падая от бремени.

Но вот вопрос:

Нести-то сколько ж времени?..

Когда ж наш пред

Мое оценит рвение?..

Придет ли вслед

По службе продвижение?..

Доколе ж мне

Ждать главного-то самого

И лишь во сне

Взлезать на кресло завова?..

★

Остыл мой лоб

В тени густой акации...

Забл я об

Индустриализации.

Окрестный шум

Едва ловлю вниманием:

Мой занят ум

Одним соревнованием!..

Как, прочих всех

Опережая рвением,

Стяжать успех:

Награду повышением?..

Добиться мне

Как главного-то самого:

Хотя б к весне

Воссесть на кресло завова?..

Беспартийный Савелий Октябрев.

ГЛУБОКО СВОЙ ПАРЕНЬ

Рис. Ю. Ганфа

СЕРЕГИНА все знали, все любили. Глубоко свой парень! Ничего плохого не скажешь!

Серегин не пил, не подхалимствовал, не чванился, не воровал, а главное — никогда не заблуждался в идеологии.

Его всегда можно было видеть на собраниях. Даже на таких, где его присутствие было не обязательно.

— У нас сегодня бюро закрытое. Как думаете, товарища Серегина можно оставить?

— Пускай сидит. Глубоко свой парень!

На собраниях Серегин неизменно выступал. Говорил он гладко. О вещах известных и несомненных. Говорил только то, что напечатано уже во всех газетах без указания «в дискуссионном порядке» и что ни у кого не вызвало ни малейшего сомнения.

— С бюрократизмом нужно бороться!

— Снижение себестоимости — неотложная задача!

— Неграмотность должна быть ликвидирована!

Вопросов сомнительных и дискуссионных Серегин избегал. Собственные мысли иметь остерегался. Не имел и собственных слов, а тем более — поступков.

Когда поднимался вопрос о строительстве, Серегин бубнил:

— Проведем в жизнь! Напряжем все силы!

А сам ни с места. Даже от подписки на заем незаметно увиливал.

Когда возникало указание на очередную язву, Серегин горячо орал:

— Надо выжечь каленым железом! Пора вырвать с корнем!

Но мимо самой язвы проходил равнодушно и даже с опаской.

В домике растаскивали монету, отпущенную на ремонт.

— Ну их к чорту, — отворачивался Серегин, — свяжешься, и сам не рад будешь!..

В трамвае Серегин, натолкнувшись на хулигана-антисемита, встал со своего места и ушел в противоположный конец.

— Нужно бороться с подобными типами повышением общей культуры, — оправдывался он сам перед собой: — Я не в силах перевоспитывать всех трамвайных пассажиров.

Это уклонение Серегина от действий было никому неизвестно и незаметно.

Не замечали в словесной и бумажной сутолоке также и отсутствия у Серегина деяний положительных.

В глаза бросались всем только безошибочность серегинских разглагольствований и безвредность его поведения.

Поэтому немудрено, что во время чистки на вопрос проверки, что можно сказать о Серегине, — последовал одобрительный отзыв:

— Парень глубоко свой! Ни в чем плохом не был замечен!

— Прекрасно, — сказал проверкомщик, — а в чем хорошем он был замечен?

Собрание призадумалось.

Ни в чем хорошем Серегин тоже не был замечен!

Поступки отсутствовали у Серегина!..

И, к удивлению некоторых товарищей, был из партии вычищен.

— За что? — удивлялись некоторые товарищи. — В чем он замечен?..

Б. Самсонов.

ВЫДВИЖЕНИЕ В КАВЫЧКАХ

Союз совторгслужащих намечает выдвижение кассиров в продавцы, машинистов — в машинистки-деловоды и т. п.

У «Совторга» достижение
Замечательно простое:
Производит выдвижение
«Из порожнего в пустое»...

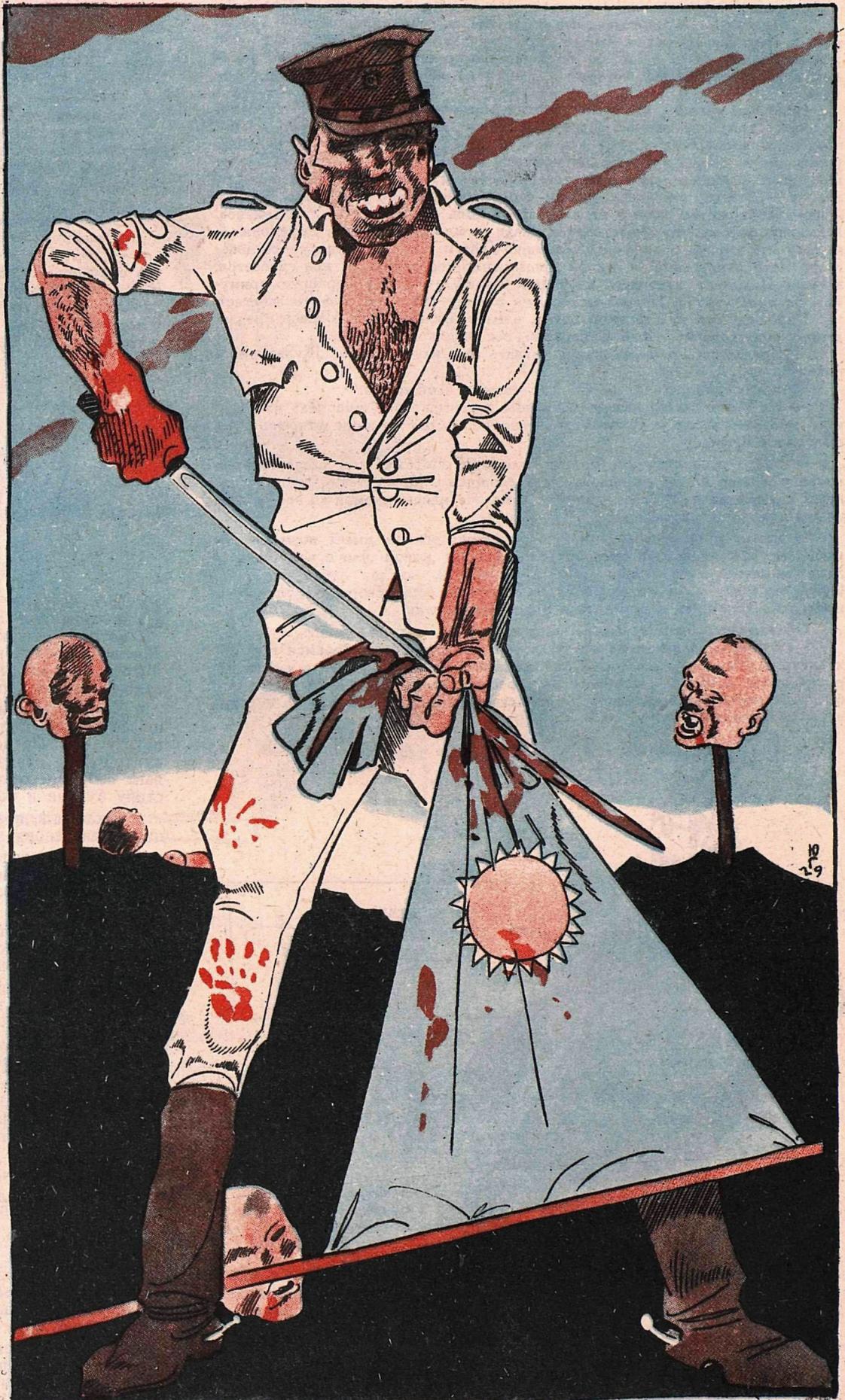
Б.

ЧЕЙ ДОМ?

Делегаты окружного съезда текстилей в Кинешме жалуются, что в Доме крестьянина их засели насекомые.

Мысли затуманены,
Голова тупа:
Что там — Дом крестьянина
Или ДОМ КЛОПА?!

Гулик.

ЧАН КАЙ-ШИ: — Кто говорит, что мы сдали в архив знамя Сун Ят-сена?..

СЛЕДУЮЩИЙ НОМЕР „КРОКОДИЛА“
СПЕЦИАЛЬНЫЙ
ОБ ОТДЫХЕ

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

ЭТО, товарищи, не какой-нибудь вечер воспоминаний или что, а сообщение о достижениях с опозданием и не случайно. Думал раньше опубликовать, но опасался, что и другие воспользуются нашим примером, и было бы обидно не быть в первых рядах. А теперь, как культурная революция кончилась, то можно безнаказанно предать гласности о том великом культурном походе, который мы провели по призыву стальными рядами.

Надо вам сказать, что я состою членом правления клуба. Это, конечно, не очень вождевое звание, а все-таки. Хотя, по правде-то, звание у меня несколько липоватое, потому что и клуб-то не разберешь: не то красный уголок, не то обща курительная комната, не то — просто проходная, неотопливаемая в нашем жилищном товариществе. Но портреты вождей висят, лозунг — „Все на помощь“... (конец оторван уборщицей на тряпки) — висит, и даже собираются, хотя и не для заслушания, а просто из-за жидкризиса. Я захожу, потому что общественная жидка во мне играет; Иван Семенович — потому что курить бросил по обещанию жене и теперь к нам курить забегает; Петр Андреевич — с женой невыносимо ссорится и от нее спасается, а Иван Палыч от кухонных неурядиц бегаёт, — как бы горящим примусом не пристукнули. Но все же — клуб, потому что и еще кое-кто забегает.

Подшел тут культурный поход, и надо откликнуться. Первое предложение внес, конечно, Иван Семенович, как наш председатель:

— Предлагаю в ознаменование назвать наш клуб именем „Культурного похода“.

Принято единогласно, но тут выступаю я и объясняю:

— Не в том дело, товарищи, чтобы переименовать, ибо цель культурного похода — изжить и уничтожить с корнем. А потому надо открыть в нашем клубе буфет.

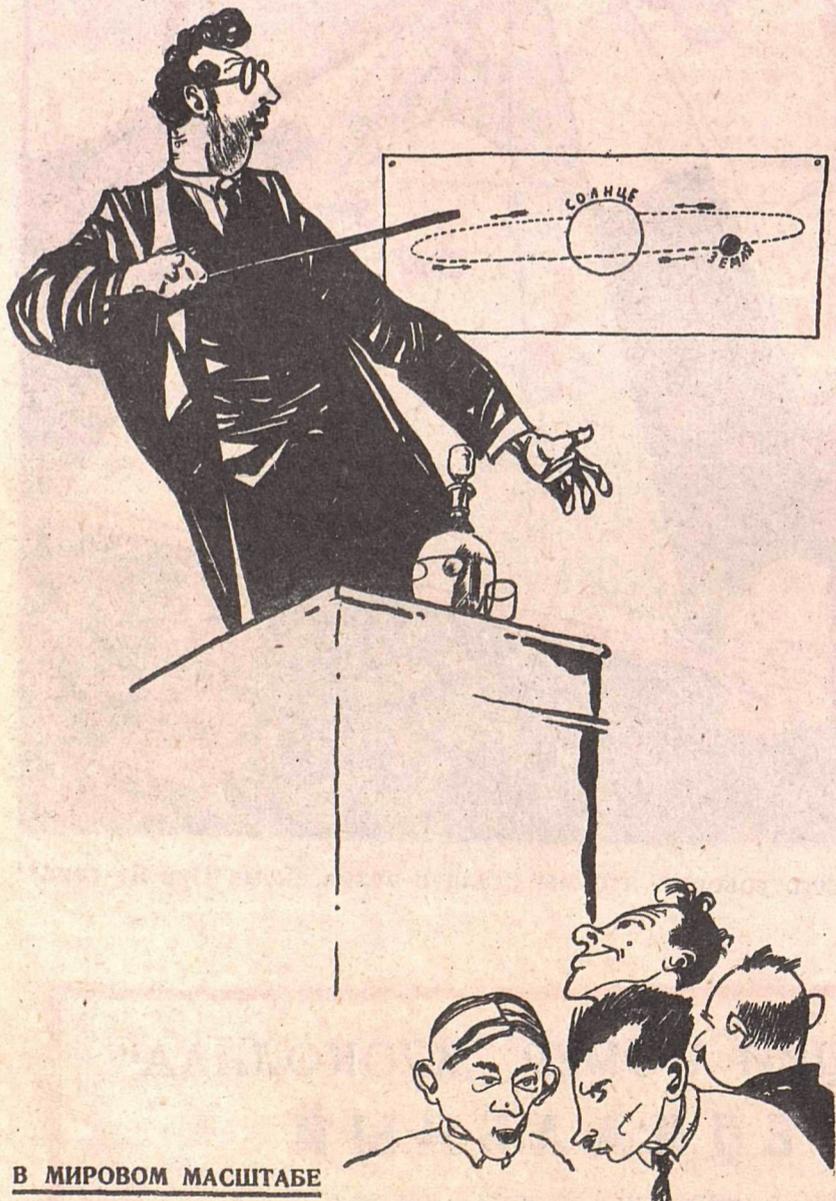
— Мы, — говорят, — не против, конечно, потому что общественное питание — одна нога в социализме, как говорится, но все-таки — непонятно: люди мы семейные, обедаем-ужинаем дома. Не явись я домой ко времени, — из меня что получится?!

— Возражения, — говорю, — не по существу: всякий имеет возможность принести обыкновенный бутерброд с вареным мясом или с чем иным и даже захватить стакан чаю, хотя и простынет, но для зубов полезнее. Существо же дела не в том, как цель похода есть искоренить, почему и предлагаю допустить в клубе пиво и прочие напитки.

Облизнулись было граждане, однако вздохнули и возражают:

— Во-первых, какая же это культура, раз мы с этим боремся в целях культурного похода, а во-вторых, не согласны. Придешь домой, а у тебя из рота пахнет. Сейчас — разговоры, да пересуды, да где жалованье, да у Любочки башмаки раздеваются, а ты пьянствуешь, да у меня чулки на исходе а ты пропиваешь. Нет!

Рис. М. Храпковского

В МИРОВОМ МАСШТАБЕ

ЛЕКТОР: — На этом рисунке, товарищи, вы видите, как земля вертится вокруг солнца.

ГОЛОС ИЗ ПУБЛИКИ: — Ишь как подхалимничает, стерва!

— Успокойтесь, — говорю, — немедленно и быстро! Цель культурного похода — борьба с язвой и искоренение с корнем. Конечно, можно было бы бросить курить, но как мы все курящие, то и не пройдет. А с пивом — легче. Нонче мы его сподтишка разрешим, как будто бы и всегда было, а наутро — культурный поход и громогласное запрещение единогласной резолюцией по существу с опубликованием в печати: так, мол, и так — клуб имени „Культурного похода“ внес немалый почин в общественное начинание дела борьбы с зеленым змием... И все прочее.

Тут, конечно, все перешли в бурную овацию и приняли единогласно, к чему набодался и Сонькин и в подражание мне — тоже предложение:

— Все равно, — говорит, — курим. Все равно, — говорит, — на пол окурки швыряем. Так зачем же это без пользы делать, когда можно из этого опять-таки культурный поход устроить?! Например: нонче не подметаем, завтра не подметаем, неделю не подметаем. И — культурный поход: все сразу сами подметем и достигнем внезапной чистоты и безо всякого огорчения!

Аплодировали и ему, но не с тем энтузиазмом, пока я не внес поправки и дополнения к его предложению:

— Зачем же, — говорю, — самим подметать, когда есть уборщица, каковая оплачивается всеми жильцами?! Не подметать неделю можно, — все-таки и трудящейся женщине облегчение. Но в день культурного похода пускай она все чистоенько подметет и пыль вытрет. Таким образом мы искореним с корнем, но без огорчений две язвы быта, в чем и есть смысл культурного похода, его же имя присвоим клубу.

Вот и публикую во всеобщее с полной безбоязненностью, тем более что, как показывают анкеты и отчеты, не мы были первые, не мы последние.

Вл. Павлов.

НЕ ДО ЭТОГО

— Как у вас обстоит дело с соревнованием?

— Да не приставайте вы, пожалуйста, с пустяками! Теперь о подготовке к октябрьским дням думать надо!

ПОЛОВОДЬЕ

ВОДА, как известно, составляет значительную часть человеческого организма. Много воды бывает и в речи ячеекового докладчика, который никак не может уложиться меньше, чем в два часа. Его тезисы разбалтываются в воде доклада, как сироп в сельтерской. Мысли его распыляются... И задолго до того, как истечет время доклада, иссякает терпение и у слушателей...

... В описываемой ниже ячейке все было по-заведенному. Собравшиеся плотно уселись на скамьях, как плацкартные пассажиры спального вагона. Председатель собрания, подобно тому, как старший кондуктор дает отправный свисток поезду дальнего следования, — объявил собрание открытым. Запасливый секретарь положил перед собой стопу бумаги и полдюжины карандашей. Началось...

Докладчик получил слово, откашлялся, посмотрел прощально на циферблат своих часов и... потекла вода.

В воде доклада плавали неторопливые рассуждения докладчика о том, как бывает нехорошо, когда некоторые люди уклоняются и, наоборот, куда как хорошо, если люди не уклоняются и высоко держат знамя.

В доказательство своих справедливых утверждений докладчик передал собранию новейшие сообщения утренних газет об астраханских делишках и напомнил поучительно:

— Астраханцы не только не подняли знамя на должную высоту, но даже, наоборот, выпустили его из своих рук к явному торжеству частного капитала.

Далее докладчик сенсационно сообщил собранию, что частный капитал есть классовый враг в городе, подобно тому, как кулак — классовый враг в деревне; и что борьба с ним есть, безусловно, классовая борьба.

К концу второго часа всем уже было ясно, что вышеупомянутое знамя должно быть безоговорочно поднято на должную высоту.

По истечении двух часов докладчик говорил о правом уклоне, с которым надо бороться в общем и целом.

В общем и целом речь была закончена на третьем часу истечения словесной воды. Докладчик усох. И начались прения.

В прениях одного прорвало:

— Товарищи! Вот тут нам в общем и целом говорили за Астрахань. Очень хорошо. Хотя, конечно, что ж тут хорошего? Наоборот — очень плохо. И мы вполне сознаем. Но вот, товарищи, у нас в ячейке также имеются такие случаи, как, например, имеется товарищ Чайка, который, будучи...

— И не один товарищ Чайка, — подсказали из рядов, — и товарищ, например, Перепевчев тоже всегда голосует против уклона, а к кулаку он относится снисходительно. Ежели кулаку машину дать, — он сам придет к социализму, на тракторе доедет!

— Тоже и Князьков — выступает за индустриализацию, а возражает против Днепростроя.

— А Езерский?

— Минченко тоже вот заявлял...

И тут во весь свой вышесредний рост поднялся председатель.

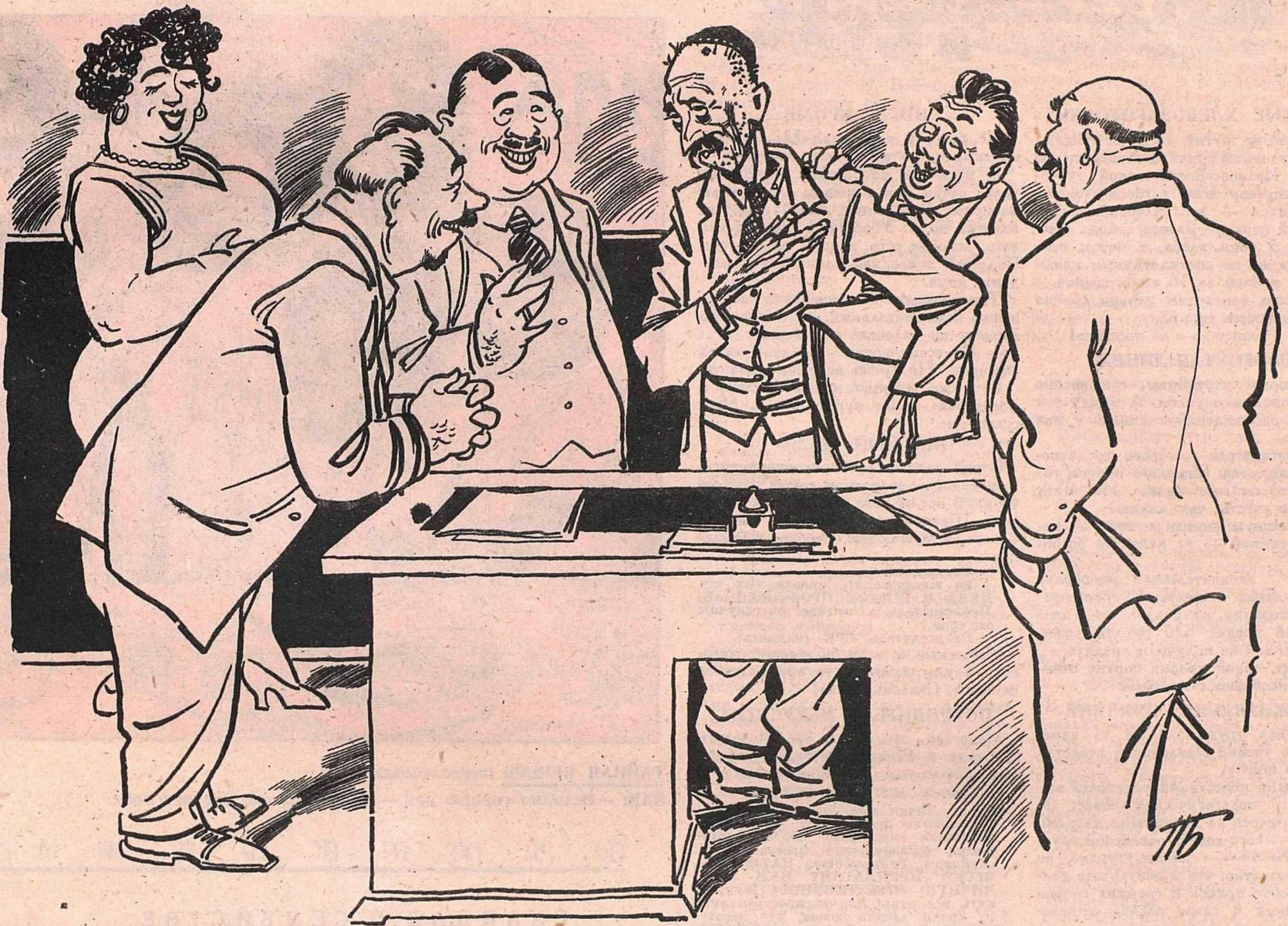
— Товарищи! Пресекаю подобные выступления. И вот почему. О чем говорил товарищ докладчик? Об астраханских обстоятельствах и вообще. Поэтому попрошу в дальнейших прениях не размениваться на мелочи и говорить по существу доклада без уклонов от намеченной повестки дня.

Приказано — сделано.

И опять потекла водичка прений мелкими струйками, похожими одна на другую. Много вытекло воды на собрании описываемой ячейки. Но — ничего.

Вода, как известно, составляет значительную часть человеческого организма. Хватит ее на десятки подобных собраний.

Л. Митницкий.

ДОРВАЛСЯ

ВЕРНУВШИЙСЯ ИЗ ДОМА ОТДЫХА: — Ну, товарищи, теперь ваша очередь ехать в дом отдыха... а я приступаю к исполнению служебных обязанностей, — мне отдохнуть нужно.

МУЗЕЙ-ВЫСТАВКА ПАРТФИГУР

ЗАЛ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

ФИГУРА № 121. ИКРЯНИСТОВ ЕФИМ ИВАНОВИЧ, председатель райисполкома.

Разошелся с партией во взглядах на построение социализма...

Ефим Иванович твердо решил, что построение следует производить исключительно подрядным способом.

— Сдай ее, социализму, подрядчику — он построит без хлопот.

Созидательные работы по вверенному району Икрянистов передавал частным подрядчикам. Кооперацию презирал и старался угробить.

В результате — вместо социализма у Икрянистова в районе пышно разросся частник. Благодарный частник, в свою очередь, поспособствовал обожжаемому председателю обрасти кой-какой шерсткой, против которой проверочная комиссия и погладила Икрянистова весьма нелюбезно.

ФИГУРА № 122. СЕЛИВСКИЙ Ф. С., секретарь райкома ВЛКСМ.

Пал жертвой новых форм агитпроп-работы. Селивский полагал, что наилучшим методом воспитания подрастающей смены является лихое исполнение цыганских романсов и устройство попок для актива.

Селивский самолично исполнял перед активом романсы с недостаточно выдержанной идеологией. Особенно лихо распевал он в пьяном виде «Тройку», чем и накликал на свою голову другую тройку — проверочную, которая и прокатила его на чистке.

ФИГУРА № 123. ОСТАШКО И. К., уполномоченный конфликтной комиссии окружкома ВЛКСМ.

Враг формализма и казенного отношения к делу.

Конфликты среди работников разрешал полюбовно, принуждая вступать с ним в половую связь.

Подобного рода деятельность угрожала Осташко полным истощением сил. Но прокурор сжалился над самоотверженным уполномоченным и распорядился посадить Осташко для отдыха в специальное изолированное помещение.

ФИГУРА № 124. СЕНЬКИН С. М., член райкомвода.

Заматорелый в отрыве от масс проф-работник.

Профсоюзную массу считал за скуру кобылку и ездил на ней, как хотел. На выборах проводил в профор-

ганы друзей-субульников, невзирая на отводы. В бюрократизме окостенел до такой степени, что до сих пор не может осмыслить, что такое самокритика.

— Самокритика, по-моему, — выражение чувств преданности и восхищения руководителями, — объяснил он при чистке.

ФИГУРА № 125. МАЛАЕВ З. М., председатель кантонного совета.

Малаев, выправив партбилет, почувствовал себя персоной.

— Коммунист, — уверял он, — в роде коллежского асессора, даже почище!

Исходя из такого ошибочного мировоззрения, Малаев постоянно изнемогал под бременем собственного величия.

Главнейшей своей обязанностью он считал неустанное презиранье беспартийной бражки.

С беспартийными он даже не разговаривал. Когда же нужно было снизить, Малаев просто показывал наган. В случае разногласия во мнениях — неуклонно открывал пальбу. Во время разездов требовал почетных встреч и ездил не иначе, как в сопровождении знаменосца и гармониста, игравшего непрерывно «Интернационал».

В музее, при рассмотрении, установлено, что голова у Малаева набита пюре из помидоров.

ФИГУРА № 126. СЕЧКОВСКИЙ Н. С., секретарь канткома ВКП(б).

Сечковский, как оказалось при проверке, все свои силы и энергию уделял селькоровской работе.

Как только Сечковский, бывало, увидит или почувствует, что кто-нибудь собирается написать про кулацкие порядки в кантоне, — сейчас же вымывает к себе и инструктирует.

— Заруби у себя на носу, что у меня в кантоне кулаков нет и не может быть! Попробуй только написать, сукин сын, я сейчас же передам тебя нарследователю за клевету.

Не разрешал также Сечковский писать про партийцев, комсомольцев и пионеров.

— Контрреволюции не допущу! — кричал он.

Желая пресечь зло в корне, он запретил продажу письменных принадлежностей частным лицам. Запретил также раз навсегда «образ мыслей».

В музее, на досуге, разрабатывает проект о непрерывном внушении всем работникам печати обязательного чувства умиления и восторга.

СВЯТЫЕ ХЛЕБОЗАГОТОВКИ

Чем поп не шутит, когда безбожник спит! Духовный причт благовещенской церкви, Иваново-Вознесенской губернии, наперекор всем хлебозаготовителям, взялся — за... хлебозаготовки. Поп этой церкви — Благов собрал с верующих 5 тонн хлеба, и потом продавал им же по спекулятивным ценам по 8—9 рублей за 16 килограммов.

К десяти заповедям церкви срочно нужно добавить еще одну:
— Не обманешь — не продашь!

ИЗОГНУТАЯ ЛИНИЯ

Некоторым партийцам совершенно зря приписывают уклон. А между тем никаких расхождений с линией у них нет.

О председателе гресского кредитного товарищества, Минского округа, говорят, что он гнет линию. Но опять же нужно учесть: чью линию?

— Кулацкую линию он гнет! А насчет партийной — не извольте беспокоиться!

Чтобы окончательно подорвать мощь кулаков и доказать преимущества кооперации, он rozdal им в долгосрочный кредит 820 рублей денег. Зато бедняки не получили кредита.

Говорят, такой кредит портит отношения. Особенно с партией!

УВАЖИТЕЛЬНАЯ ПРИЧИНА

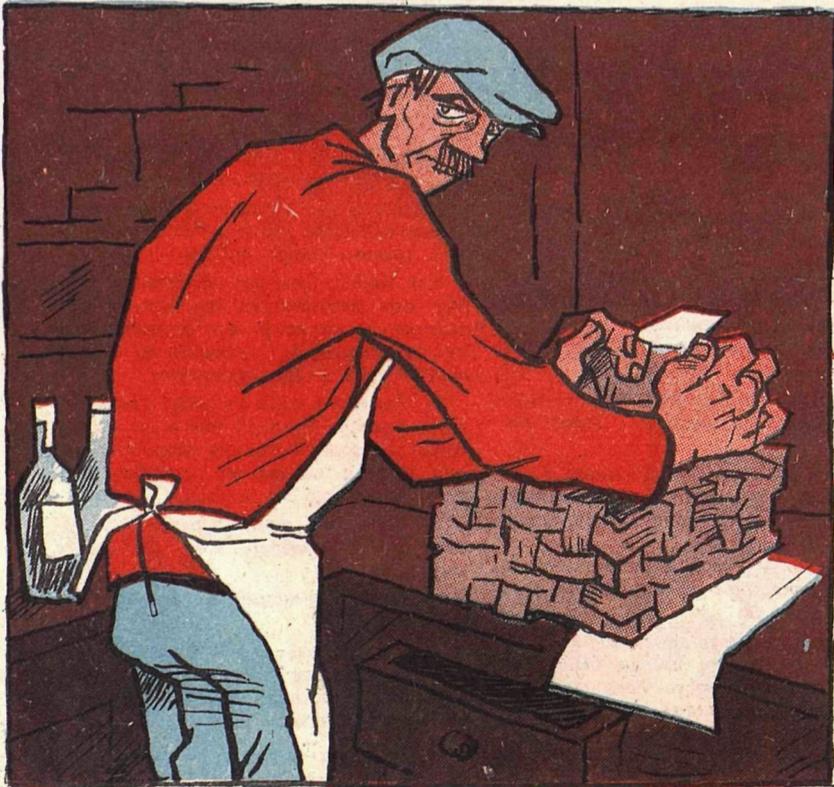
Ровенская трудовая № 11 заметила, что ученик Павловский перестал ходить в школу.

Срочными повестками родителей вызывают в педагогический совет. О чем говорилось за закрытыми дверями педагогического совета ровенской трудовой № 11 — сказать трудно, но только известно, что в результате долгих каких-то криков и громких споров заведующий в гневе послал отношение к инспектору просвещения:

— Сообщаем вам, что учащийся Павловский прекратил хождение в школу и умер по неуважительной причине.

Бывают еще и другие различные смерти по неуважительной причине. Например, «Крокодил» чуть не помер от смеха, читая бумагу ровенских просвещенческих чудаков.

Рис. Ив. Малютина

ЗАВ. КООПЕРАТИВОМ СОБИРАЕТСЯ ДОМОЙ

(см. рисунок направо)

НИГДЕ КРОМЕ

Не было у правления Моссельпрома печали, да уборщицы накачали.

А накачали уборщицы такую печаль: стали они слишком слабо полы натирать. Вообразите, какой ужас: не блестят полы. Уборщицы есть, щетка есть, керосин есть, а полы не блестят. Полетела докладная записка к коменданту дома.

Темперамент у коменданта совершенно исключительный. На докладную записку он наложил резолюцию:

— Ко всем чертям послать таких уборщиц. Ни хрена не умеют делать. Вот уже истинно можно сказать о самодурах: нигде кроме, как в Моссельпроме.

ОПАСНЫЙ ШКАФ

Стоит этот шкаф, пригорюнившись, в шубенском волостном союзе с.-х. рабочих, и все от него шарахаются в сторону. Шкаф неприкосновенен. На нем — предостерегающее, суровое объявление:

Товарищи!

Во шкаф ходить нельзя, так что ДЕЛА В ШКАФЕ ПРОФСОЮЗНЫЕ. Председатель в отъезде по случаю ок'езда.

Председатель СРК (подпись).

Неважные в этом профсоюзе дела, если к ним даже никто прикоснется не смеет. Скверные дела!

ПОКРОВИТЕЛЬ ИСКУССТВА

Нелегкое это дело — насаждать культуру в Речице. Речицкое упробюро пошло уже на крайние меры:

СОЮЗУ МЕТАЛЛИСТОВ

Лично тов. Любомирскому.

Прилагая при сем 82 билета на спектакли еврейского передвижного театра («Разрушение преград» и «Хейдер»). Райпробюро КАТЕГОРИЧЕСКИ ПРЕДЛАГАЕТ ВАМ ПОД ЛИЧНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ принять все меры для распространения их среди членов союза. Все нераспространенные билеты ОБРАТНО ПРИНЯТЫ НЕ БУДУТ. Следующему с вас сумму, 46 рублей 70 коп., внесите в кассу театра ко дню спектакля.

Председ. РПВ — ЧЛЕЙБЕРЛЕН.

Звучит как Чемберлен. Но даже и Чемберлен таких методов не применяет! При такой строгости Члейберлену не профсоюзом руководить, а какой-нибудь дикой дивизией командовать!

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ (перед чисткой)

ЗАВ: — Истинно говорю вам — единый от вас предаст меня.

П Р О В И Н Ц И А Л Ь

СКАНДАЛ В СЕМЕЙСТВЕ

ЧЕЛОВЕК человеку — волк, но Волк Волку — тоже волк.

Итак, какова история трагического столкновения двух златопольских Волков — Павла Ивановича, с одной стороны, и Бориса Ивановича — с другой?

История началась в тот самый вечер, когда в коммунальном помещении южного города Златополя открылась грандиозная лотерея с самоварами и костяными набалдашниками, устроенная местным Компомдетом.

Через три дня отгремел последний туш в лотерейном зале, счастливыцы разобрали самовары и набалдашники, и комитет стал подсчитывать полученные барыши.

Увы и увьи! В графе прибылей стояли печальными рядами красивые, с каллиграфическим нажимом, нули. А тут, словно с целью довершить тяжелый удар, роковая судьба-индейка занесла в деткомиссию курьера комхоза с кратким отношением:

— Предлагается немедленно внести плату в комхоз за помещение, использованное вами под лотерею.

Мрачное отчаяние охватило председателя Компомдета Б. И. Волка, и скоро отчаяние стало переходить в бешенство, когда он разобрал на бумажке подпись своего родного брата — председателя комхоза П. И. Волка.

И не успела минутная стрелка на златопольской пожарной каланче сделать и одного оборота, как Борис Волк, ворвавшись в кабинет предкомхоза и еле переводя дух от возбуждения, сказал:

— Пашка, не будь арапом, у меня в кассе свистит. Скости эту дурацкую задолженность.

Но Пашка был не из той категории благодушных собеседников, которые сразу соглашаются. Он в изумлении ударил себя по бедрам и закричал:

— Святыи силы, свистит! Это у него-то свистит! Да ты, Борька, лучше

провались в преисподнюю, чем говорить такой абсурд. Какой же, понимаешь ли, возможен свист, если ты провел такую грандиозную лотерею с лайковыми перчатками и даже одним волшебным фонарем!

— Ухнула лотерея, — безнадежно поник головой Борька.

— Святыи силы, ухнула! — опять подскочил в невыразимом удивлении Пашка. — Так разве ж я обязан затыкать прорехи твоего Компомдета, дурья твоя башка! У меня свои дела!

— Пашка, — зловеще лязгнул железом голос Борьки, — не пытай моих нервов, или я за себя не ручаюсь... Заявлю в последний раз: скостишь ты или нет?

— Ну, конечно же не скостю! — с веселой непринужденностью сказал предкомхоза, давая понять, что это с самого начала само собой понималось.

— Сто-о-ой!!! — неизвестно почему заревел вдруг предкомпомдета и сделал два прыжка вперед. — Стой, палач! Стой, душегуб своего родного брата! Сейчас мы с тобой поговорим! И непосредственно вслед за этим прозвучал в кабинете душу раздражающий крик, и два туловища сцепились в мертвой хватке, покатились по коврам кабинета.

Заходило ходором вспугнутое учреждение, и все, что было в учреждении, сплошной лавиной понеслось к кабинету председателя. Картина, которая открылась перед глазами толпы, когда-нибудь несомненно найдет своего художника, пока же ее в энергичных тонах описал в своем рапорте начальник прибывшего на место милицейского эскадрона.

Теперь по Златополю готовятся к чистке соваппарата. Перед лицом такого немаловажного события Волки, очевидно, постараются помириться.

М. Касвинос.

МОЛОДЦЕВАТ

навел суровую

Здесь прозвучал

Шахназаров?

И строгость твоя

ность такого визита

це у преступника

воги.

— Я...

— Распишитесь!

Дрожавшей рукой

прикоснулся к

ционер победоносного

портфель с расписками

блуками и, не поворачиваясь,

В руках у тов. Л...

ся маленький, но

сток:

ПОМОЩНИК

Гр. Шахназаров

явиться в отделение

в 5 час. вечера

делу №...

В случае неясностей

по подвергается

закопу.

ОСНОВАНИЕ

УПК РСФСР.

АГЕНТ УГОЛОВНОГО

ХАЧ-КАЛА, (Иваново-Вознесенск)

В тревоге вошедшая

собралась вся семья

уголовного кодекса

дели с повестками

тово.

— За что бы вы

Шахназаров, прости

далекий угол.

— Признайся, что

ляла жена. — У

— Не было это

ГОРИТ ВОСТОК ЗАРЕЮ...

Тифлисская «Заря Востока» в № 142, в статье И. Войтенко «Чем болеют партийные отделы наших газет» жалуется:

Неудивительно поэтому, что молниеносно на «самокритику» печати взял на себя... «Крокодил», который в отделах «По газетным ухабам» и «Литературная логанка» (?) собирает все газетно-журнальные «помои» и «смачно» подает их своему читателю.

Приходится сомневаться в воспитательном значении такой помойной «самокритики».

Но в чем мы виноваты, что в этой же статье «помои» разливаются целыми ушатками? Чем опрокидывать их на бедного читателя, не лучше ли устроить небольшой «душ» тов. Войтенко? Человек, взявшийся с апломбом критиковать печать, сам пишет так:

(«Заря Востока» и «Бакинский рабочий», например) болеют и серьезно болеют казенщиной и МЕРТВЕЧИНОЙ...

Согласитесь, что «БОЛЕТЬ МЕРТВЕЧИНОЙ» никак нельзя.

Дальше поучает Войтенко:

При проведении крупных внутрипартийных кампаний мобилизовать коммунистическую часть аппарата редакции (И ДАЖЕ НЕКОММУНИСТИЧЕСКУЮ — очеркистов, фельетонистов, рабкоров).

Во-первых, почему «даже»? Разве рабкоров, фельетонисты не являются нашими ПОСТОЯННЫМИ соратниками, а не только во время «крупных кампаний», когда тов. Войтенко снисходит ДАЖЕ до того, чтобы разрешить ДАЖЕ им принимать участие? А во-вторых, с каких это пор рабкоровы и журналисты стали «некоммунистической частью»? Какой же, позвольте осведомиться?

— По тов. Войтенко — это «помои», а по «Крокодилу» — это политическая немощь и безграмотность.

Но в «Заре Востока» есть и лучшие перлы. В № 129 помещается заметка о приезде в Армению делегации советских писателей Грузии и АССР. Заметка идет под общим заголовком:

СКОЛЬКО ИХ, КОГДА ИХ ВЫГОНЯТ?

В № 139 в заметке «Оспа» дается такая сносшибательная информация: В Тифлисе нет случаев массовых заболеваний оспой. Организуются доклады для прививок оспы.

Если бы «доклады для прививок оспы» можно было заменить хоть одним ликпунктом в редакции «Зари Востока» — ОДН могло бы искренно порадоваться!

«Крокодил» не может пройти мимо этой ужаснейшей газетной неряшливости.

В ТРЕХ НОМЕРАХ ГАЗЕТЫ И столько «помоев»!

Не даром поэт писал:

«Горит Восток зарею новой»... «С чего бы это ему гореть?» — думали мы.

Оказывается, — со стыда горит. За некоторых сотрудников «Зари Востока».

НОВОСТЬ ЗООЛОГИИ

Трогательное письмо получил «Крокодил» от больных Преображенской психиатрической лечебницы:

Шлем привет тебе мы, люди неутешные,

А все больные и помешанные. Разреши ты нашу больную фантазию —

Прочитали мы такую оказию:

Вместе с жирафами в зоопарк прибывает слоновая черепаха весом ОКОЛО 96 ТОНН. («Рабочая Москва» № 157).

— Успокойтесь, товарищи! Черепаха весом в 96 тонн — это не черепаха, а утка... газетная.

ОРЕШИНУ НА ОРЕХИ

В Калугу, в отделение Госиздата пришел многокрасочный плакат. 30 копеек штука. Тираж — 30.000. Ленинградский гублит поставил там № 10718. Обращают на себя вниманье стишки Петра Орешина под плакатом. Аховые стишки. Вот перлы:

Чешет брат Фома в затылке. Поглядите на портрет: Ни в амбаре, ни в кониле, Ни в любом кармане нет... (Чего нет? По-нашему, смысла нет. Оттого Фома и в затылке чешет)... Погляди теперь Данилу. Не мужик, а прямо туз: Полон счастья, полон силы — Что рубаха, что картуз. (Кто полон счастья: туз или картуз?)

Потому что подходили К жизни с разного конца. (Может быть — с разных концов?) Недавно Орешин выпустил книжечку — «Откровенная лира». Подписи под плакатом подошли бы в сборничек: «Откровенная халтура».

НА Я ПЕСТРЯДЬ

ЗЛОДЕИ

Милиционер — Ты скрываешь, злодей! Почему ты не смотришь на меня?

— Не было... Ни в чем не виноват, клянусь горсоветом!

Шахназаров был честным депутатом горсовета и ставил эту клятву выше всего.

— Но тогда за что же?

— Не знаю...

Он думал долго и безуспешно, пока не расхохотался деланным, жестким смехом:

— Вспомни! Ха-ха! Я на днях на базаре раздавил цыпленка. Какая-то торговка грозилась мне арестантскими ротами! Не иначе, как за это!

Но предположение казалось настолько диким, что вся семья его дружно и единогласно отвергла.

Со слезами на глазах жена начала готовить сухари.

К вечеру котомка арестанта была готова. Вооруженный смирением и посохом, он ушел на допрос.

Грязная, заплеванная комнатка уголовного розыска битком полна народу. К удивлению Шахназарова, это были не рецидивисты, не Маньки-Броненосцы и даже не мелкие домушники. Нет, больше всего знакомые! Товарищи по горсовету, члены одной с ним административно-правовой секции, коммунисты, рабочие. Хотелось подойти к ним, рассказать, спросить совета, выяснить недоразумение... Но было как-то неловко. Узнают, что связан с угрозыском, поползут слу-

хи, догадки, а потом поди доказывай, что ты не профессиональный убийца.

Нет, уж лучше самому выяснить!

Он покорно присел на табуретку, положив на колени мешок с сухарями. Украдкой развернул зловещую повестку и в сотый раз перечитал ее загадочные строчки. Слабый человек — он сам уже начинал верить, что он действительно совершил какое-то кошмарное преступление. Может, в бессознательном состоянии, может, и сам не помнит! По крайней мере, это учтут.

Резкий, дребезжащий звонок сорвал паутину мыслей.

— Товарищи! — кричал появившийся откуда-то председатель горсовета, — товарищи! Разрешите объявить заседание административно-правовой секции открытым. Товарищ Шахназаров, присаживайтесь ближе. Что вы забились в угол? Сегодня у нас полный кворум...

С нашим народом иначе нельзя! Только зачем зря повестки рассылать?

Чего проще — арестовать всех членов горсовета и привести в тюрьму на заседание. Из камеры-то уж наверняка не убегут. П. Майский.

ОБИДА КАКАЯ

— Ведь вот издевательство какое, — два года в кандидатах был, не пил, в церковь не ходил, жену старался реже бить, прислуге «вы» говорил и все же вычистил. Зачем же старался.

— Дяденька, давай, помогу!

— Проходи, проходи! Знаю я вас, — еще украдете!

хоть мне, — умобил, зарезал? того!

ПОСЛЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ УСИЛИЙ

ВОПРОС об уходе доктора Кязимова возник в Баку в далеком прошлом, кажется, лет пять тому назад. Еще тогда хорошие и терпеливые люди пришли к доктору, ласково пожурили его и сказали:

— Вы бы ушли, товарищ Кязимов!
— Куда это? — не понял доктор.
— Ну, вообще... Практикой, что ли, занялись бы!

— Не могу, — твердо заявил доктор Кязимов. — Я ответственный пост замнаркомздрава занимаю.

— Так мы же потому и просим! Какой вы, товарищ Кязимов, ответственный работник? Приказы о запрещении рукопожатий издаете... Только чужое место занимаете!

— Не уйду! — категорически сказал доктор Кязимов. — Желаю быть заместителем наркомздрава!

Тем переговоры и кончились. Остался доктор Кязимов. Да и что поделаешь с таким упрямым человеком, который хочет быть ответственным?

Но доктор Кязимов был не только заместителем наркомздрава. Он еще возглавлял и общество «Красный полумесяц». И на этом посту он неожиданно обнаружил такое презрение ко всякого рода бюрократизму, что даже самые близкие люди удивились.

— Вот что, — сказал доктор Кязимов бухгалтеру «Красного полумесяца», — у вас там какие-то расходы имеются, у меня тоже имеются. Зачем нам двойная бухгалтерия? Зачем бюрократизм разводить? Записывайте все вместе! Вам все равно, а мне легче будет!..

Бухгалтер записал. И ремонт квартиры, и покупку дров, и электрическое оборудование, и окраску домашнего умывальника, и даже страховые взносы за домашнюю работницу доктора. Уж если бороться с бюрократизмом, то бороться до конца!

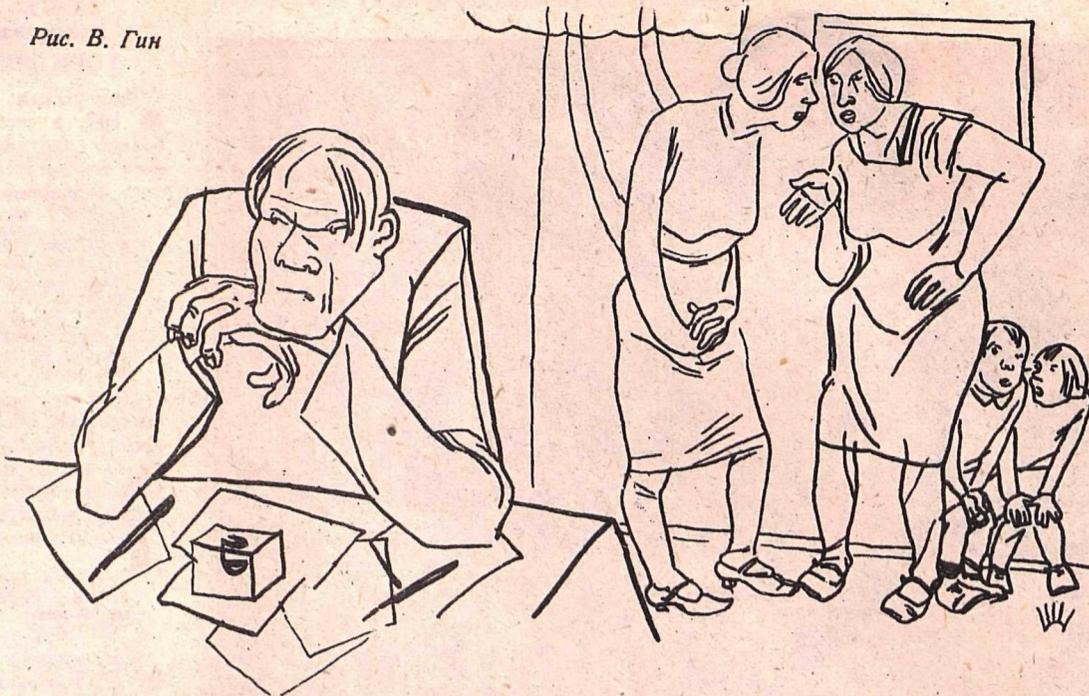
После этого хорошие и терпеливые люди возобновили свои переговоры с доктором. В тоне; уже более твердом, попржнему, однако, звучали мягкие и ласковые нотки.

— Ушли бы вы, товарищ Кязимов, право же!
— Не уйду! — опять заявил доктор. — Оставил я пост замнаркомздрава, хватит с вас.

— Да, ведь, не оставили вы, а сняли вас!
— Это все равно. А «Красный полумесяц» — это такое дело, что тут человек нужен с головой.

— Так мы же про то и говорим! — обрадовались люди. — Тут нужен человек с головой, а это место занято вами!.. Вам уйти надо, мы тогда другого и посадим.

Рис. В. Гин

ХОТЬ БЫ ВСПОМНИТЬ...

— Не мешай ему, ради бога! Он забыл постановление общего собрания, а завтра ему отчет делать о его выполнении.

— Не желаю я, чтоб другой сидел! Сам сидеть буду!

Что тут поделаешь? Упрямый человек! До того упрямый, что даже сказать нельзя!

Но доктор Кязимов не только возглавлял «Красный полумесяц», но еще и был директором Азгосмедторга. И здесь он работал не за страх, а за совесть. Об этой работе, которая довела Азгосмедторг до победного развала, говорили в партийных сферах, в рабочих районах, в медицинских кругах, на специальных заседаниях коллегии РКИ и в кабинете доктора Кязимова. Тут говорили опять те же хорошие и терпеливые люди.

— Теперь-то уж вы уйдете? — спросили они доктора Кязимова.

— Так я уже давно в «Красном полумесяце» не работаю, — весело отпаривал нападение доктор.

— Знаем мы это! Сняли вас! Из Азгосмедторга, спрашиваем, уйдете вы?

— А разве нужно? Приказ, что ли, есть такой?

— И нужно, и приказ есть, и все прочее!

— Что ж, — обиделся доктор, — если вы настаиваете, я уйду... Вот только письмо одно напишу, а потом и уйду.

Люди отошли в сторону. Доктор Кязимов присел к столу и, вытирая поминутно слезы, струившиеся по его щекам, написал:

«ВСЕМ СОТРУДНИКАМ АЗГОСМЕДТОРГА

Как известно, товарищи, в течение 9 с лишним лет по воле центральных и правительственных органов я занимал административные посты, как-то: замнаркомздрава АССР, а с 1924 года — управляющим Азгосмедторга и товарищем распорядителем уездных аптечных товариществ. Переутомившись от чрезвычайных усилий и непосильной работы и желая вместе с тем углубить и расширить свои теоретические и практические познания по основной своей специальности, мною было возбуждено ходатайство перед директивными организациями об освобождении меня от административных обязанностей. Ходатайство ныне удовлетворено. Уходя, я не могу не отметить...

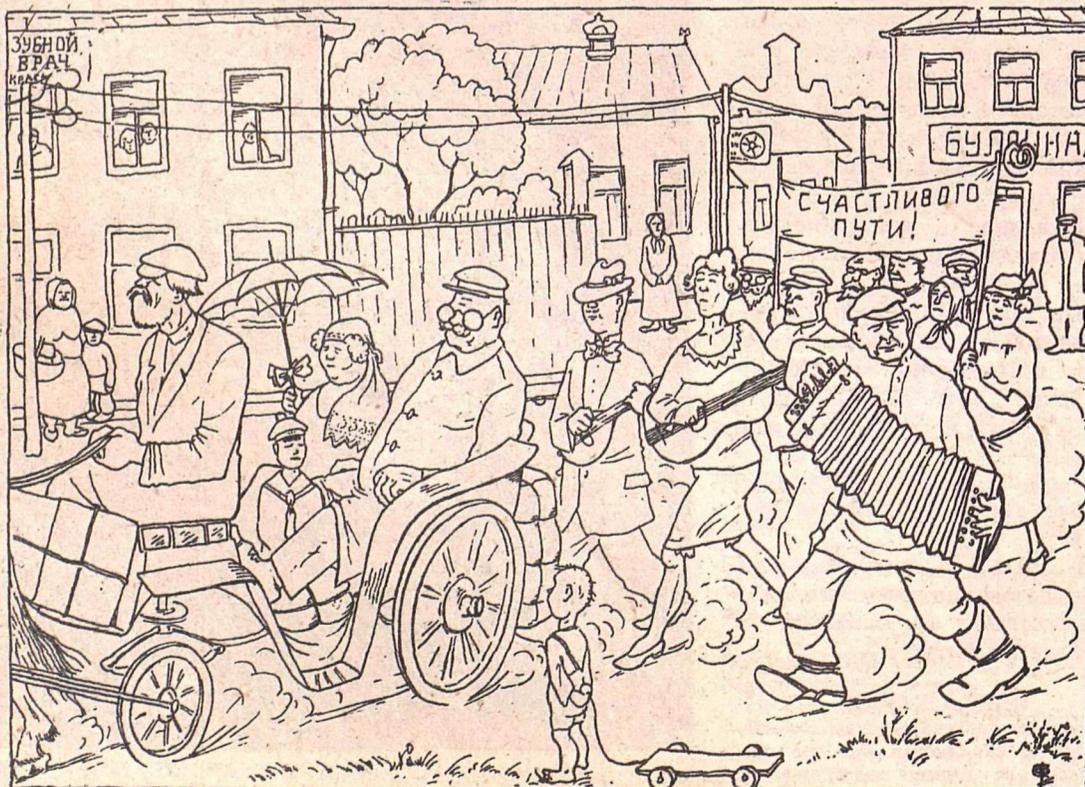
Кончив писать и подписавшись полным титулом своим, доктор Кязимов взял шляпу, сердито кивнул головой и бросил:

— До свидания! Пока!

— Прощайте, — ответили ему и приступили к тщательной чистке.

Ал. Яковлев.

Рис. Ф. Сизова (Тверь)

Проводы начальника.

КУЛЬТУРА И ОТДЫХ

Я ВЧЕРА поверил слуху
В отдых и культуру:
В парк отправился я новый
Ко второй столовой.
Сел за стол. Сажу спокойно
В настроении водопойном.
Не несут... Без этикета
Я допелся до буфета,
Постояв культурно час,
Я услышал: — Что для вас?
— Мне стакан воды лимонной.
— Запаслись ли вы талоном?
Я за ним часок стоял
И культурно отдыхал.
Получил. Обрел покой
Вновь за мраморной доской.
Тут сиропные узоры
Привлекли мои культворы.
— Смыть! Уборщицу сюда!
Зов услышан без труда.
Но уборщица в ответ:
— Сам бы вытер! Силы нет.
И, решив: «культуру двигай!»,
Я бегу за жалобкой.
Но и тут культурный мост
Охраняет целый хвост.
Посчитав ватылки, спины,
Я ушел к столу с повинной...
Братцы, я поверил слуху
В отдых и культуру.

Вл. Симушенко.

ГОРЕ-ЗАГОТОВИТЕЛИ

Среди хлебозаготовителей Узбекистана есть такие, которые не отличают ячмень от ржи и пшеницы. Частник пользуется этим и скупает лучший хлеб.

(«Известия»)

ЗАГОТОВИТЕЛЬ шлет телеграмму,
И в телеграмме — победный тон:
— На сто процентов превысив программу,
Мы заготовили тысячи тонн.

Мы развернули работу на славу,
Весь аппарат сбивается с ног,
Шлите вагоны, давайте составы,
Склады затопит хлебный поток.

В центре как будто взорвалась ракета, —
Бешено начал звонить телефон.
С нарочным шлют телеграмму в газеты,
Хлеб прибывает! Тысячи тонн!

Посланы всюду, где надо, курьеры,
Все учреждения — извещены,
Наняты люди, приняты меры,
Склады готовы, вагоны даны.

Ох! Не подвел ли агент Емеля,
Поторопившись или соврав?
Нет! Все в порядке. Через неделю
Прибыл на станцию длинный состав.

Снова курьеры бегут, куда надо,
Снова трещат неустanno звонки,
И, торопливо вдыхая, со склада
Едут на станцию грузовики.

Едут. Приехали. Надо грузиться
(Крики и ругань. Стук колеса).
Где же пшеница?.. Вместо пшеницы
Сорок вагонов дрянного овса.

Милый читатель! Врать мы не станем.
Не упрекай нас в неслепой ажи:
Не отличают в Узбекистане
Рожь от пшеницы и сор от ржи.

Вас. Лебедев-Кумач.

Рис. Л. Генча

В КУРИТЕЛЬНОМ ЦЕХЕ

— Ребята, кончай скорей! Там вторая смена пришла — тоже курить дожидается.

ТОЖЕ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ

У ЛЮДЕЙ все, как у людей... Рационализация там разная... Электрификация... Индустриализация... Только мы такие отсталие... Никак довоенного уровня перешагнуть не можем... Раньше сыпали соль и ручку крутили и теперь ручку крутим и соль сыплем...

Зав мороженным отделом Сокольнического кооператива тяжело вздохнул. Вслед за ним сочувственно вздохнули и члены правления. Дело происходило на заседании правления.

— Я предлагаю, товарищи, провести коренную реконструкцию нашей мороженной промышленности на новой технической базе. Вся эта работа должна быть проведена в течение ближайших лет, полностью войдя в пятилетку. Представляете себе, товарищи, картину...

На Москве-реке устанавливается плотина на манер Днепростроевской, чуть поменьше. Плотина приводит в движение турбину, которая является одновременно и центральной камерой для изготовления мороженного.

Приводимая в движение водой, она быстро вращается. По специальным трубкам организуется приток охлажденного воздуха. Молоко и фруктовые сиропы тоже текут по специальным металлическим артериям. На обоих берегах ждут ряды специальных полугрузовиков. Мороженое механически, по конвейеру, подается на машины и развозится по всему городу... Вот она, настоящая поэзия социалистического строительства!

Члены правления сидят, как зачарованные, и боятся пошевелиться, чтобы не нарушить очарования нарисованной картины грядущей мороженной индустрии.

— К концу пятилетки, дорогие товарищи, мы доведем количество сортов мороженного до сорока и понизим, благодаря механизации, себестоимость на пятьдесят пять процентов. Одновременно мы повысим качество продукции и сделаем мороженое достойным прохладительным спутником трудящихся.

В комнате жарко. За окнами немилосердно грохочут трамваи, и члены правления с радостью променяли бы все грядущие мороженные достижения на одну порцию кустарного сливочного мороженного, хотя оно и находится еще до сих пор в руках частников...

— Полагаю, товарищи, необходимым доклад утвердить, целиком и полностью одобрив его установку на механизацию мороженного дела, — лениво мямлит председатель. — На предварительные расходы отпустим тысяч тридцать... Хватит вам?..

— А не много ли будет... — раздается сзади робкий голос... — У нас ведь магазинов мало... Оборудованы они тоже плохо... Денег не хватает на самые необходимые вещи, а мы на мороженое будем такие средства отпускать?..

— Значит вы, товарищ, другими словами, против индустриализации?.. — ядовито спрашивает председатель. — Так и запишем...

Единственный противник мороженной пятилетки мгновенно скисает и затыкается.

— Итак, товарищи, возражений нет? Принято единогласно. Запишите, значит, в протокол. Отпустить на механизацию мороженного дела тридцать тысяч рублей...

Члены правления обливаются потом, и им в эту минуту мороженный вопрос кажется самым важным в мире.

— Остальные вопросы, товарищи, полагаю возможным отложить до следующего заседания... Мороженная пятилетка налаживается, а остальное успеется...

★

— Выдумки это все! — возмутится читатель, — все это ваши крокодильские преувеличения!

— Совсем наоборот, дорогие товарищи. За что купили, за то и продаем... Тридцать тысяч рублей, как одна копейка, ухлопаны Сокольническим кооперативом на механизацию мороженного дела.

Было бы величайшей несправедливостью не отметить оригинальные методы изживания денег, практикуемые Сокольническим кооперативом.

Одни губят деньги на обстановку служебных кабинетов, другие на разбухшие штаты, третьи на ненужные командировки. Но все это давным-давно устарело и набило оскомину...

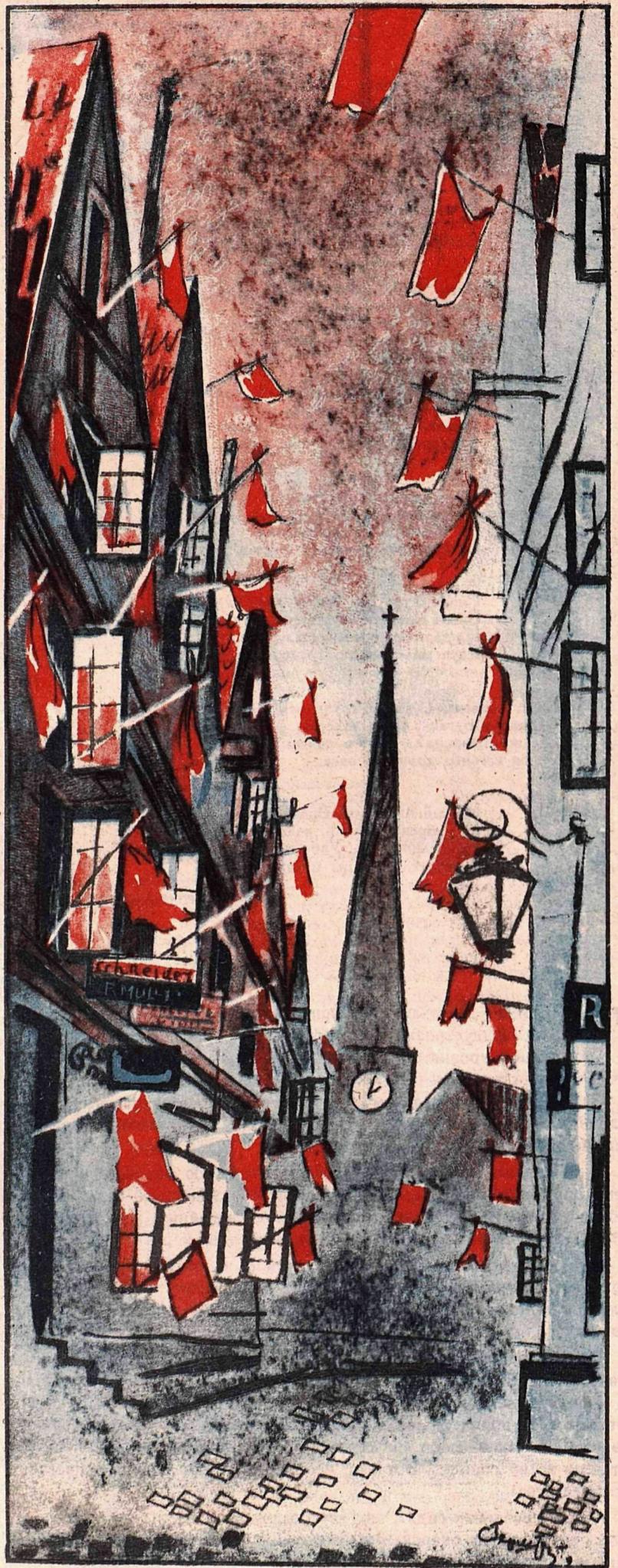
Сокольнические кооператоры нашли совершенно новый метод: они деньги замораживают.

И. Амский.

ПОСЛЕ КРАСНОГО ДНЯ

В злобе и ярости сапогами
Топчут Цергибели красное знамя.

Но не порвать им красных знамен —
Были тысячи — будет миллион!

ДО ЧЕГО у нас самокритика развернулась — подумать страшно. Смотришь на человека: и ничего не замечаешь. Простой, как буд-то, человек. На службу ходит. К начальству почитителен. А кроют его, боже ж ты мой!

Но примечаю я: больше эту зло-вредную самокритику на профсоюз-ных вождей наводят. И массовости-то у них нет, и политические во-просы всякие забыли и, главное, спаивать массы не умеют. Это они-то не умеют? Спаивать?! Вижу, что ваши критики у нас не бывали в Воскресенском уезде, на Баевской торфоразработке. И нашего това-рища Андронова не видели.

Способный человек!

Другим профсоюзам год на вы-думку надо. А товарищ Андронов походит-походит по кабинету, пальчиком вокруг лба повертит и пожалуйте — готово. И массовость, и политика и спайка, — все со-блюдено.

Недавно был случай.

Получил товарищ Андронов бу-мажку. Обыкновенная бумажка. Циркуляр. Там и про то, как собра-ние созывать и разводить массо-вость. Смотрю, а товарищ Андро-нов будто из себя недоволен. И на лице — сумление.

— Обо что сумлеваются, товарищ Андронов?

А он:

— Не нравится мне этот цирку-ляр. Не туда бьет. Опять передель-вать придется!

И замолчал. Молчал часок, дру-гой, третий. А потом подзывает ме-ня и говорит:

— Известно тебе, что я задумал? — Как же я могу знать, что на-ши вожди думают! — отвечаю по-чтительно.

Андронов на это ласково (любит он почет):

— У нас какой народ? Некуль-турный, малограмотный, не пони-мает тонкого обхождения. Одним словом, — масса. К ней и подход другой. Надо выдумать свою мас-совость.

— И как же, выдумали, товарищ Андронов?

— А вот слушай. Как профсоюз, который защищает рабочих, до-бьюсь я торфяникам по полтине в счет зарплаты авансом. Это раз. Выберем мы делегатов и пошлем их в город — два. А зачем? Горь-кую покупать! Горькую сам и распределю. Дело ответственное. Разве кому доверишь? Распределим горькую, и, как полагаешь, при-дут на такое собрание или не при-дут?

Что я мог сказать? Выразил, ко-нечно, восхищение на лице.

Как порешили, так и сделали. И безусловно — пришли все, как один. Зауски, правда, нехвати-ло. Ну, да нам не впервой. Обо-шлось.

А уж до чего товарищ Андро-нов был сам доволен! Прямо удо-вольствие. На радостях уехал он в Москву и два дня в пивной празд-новал свою славу.

Вот, какие работники у нас есть. А еще говорят, что наши профсоюзные плохо работают... Еще как работают! Дальше неку-да...

С. Миасов.

— Степан Степанович, когда ж я, наконец, обратно на свое место сяду?

— Подождите, голубчик, еще несколько дней. Последний остав-шийся выдвиженец уж очень крепкий. Но и он скоро не выдержит..

Г Е Р О И

Бакинский ЦРК отказался от-пускать молоко для детской кон-сультации на том основании, что дети — не пайщики!

УСВОИЛ быстро ЦРК Пути кооперации: —

Не отпускает молока Для детской консультации.

— Уймите, дескать, детский вой.

У нас задача ясная: —

Нам нужен пайщик боевой,

А не труха несчастная!

Для нас дитя — ничтожней птах.

Возись с таким парнишкой!

Нам нужен пайщик при усах

И с профсоюзной книжкой!

Такому сможем мы легко

Пойти навстречу скидками.

Такой знаком

И с молоком,

И... с прочими напитками!

Здесь паренькам из ЦРК

Напишем мы в открытке:

— «Как жаль, что в детстве молока

Давали вам в избытке!»

И, раздражением горя,

Добавим втихомолку:

— Продукт загублен явно зря!

Без пользы и без толку!!

Юрий Фидлер.

М Ы С Л И В С Л У Х

Для изучения базарного быта ходить на базар не требуется. Достаточно регулярно следить за от-делом «Письма в редакцию» в нашей литератур-ной прессе.

★

Среди сапожников пока еще мало писателей. Зато среди писателей сапожников уже вполне до-статочно.

★

Некоторые расчетливые товарищи перед чист-кой задерживают уплату членских взносов, чтобы не переплатить лишнее.

★

Можно увлекаться борьбой с подхалимством, но не настолько, чтобы забыть поздравить началь-ника со днем рождения его супруги.

Ипа.

П А Р А Д А Л Л Е !

ИДЯ навстречу своей многомиллионной мас-се читателей, «Крокодил» открывает свой цирк, где будут показаны читателю чемпионы бюрократизма, бесхозяйственности, хам-ства, подхалимства, кумовства... Аплодисменты не требуются... Итак, — парад алле!

1. Чемпион бесхозяйственности — Госрыбсиндикат

Переpravлял 10.000 килограммов рыбы со ст. Болдинская в Нижний-Новгород, из Нижнего на ст. Иваново, со ст. Иваново — вновь в Нижний-Новгород... В результате вся рыба, по-бывав в пути 25 дней, испортилась от долгих переездов и от сознания, что имеет несчастье находиться в ведении Госрыбсиндиката.

2. Чемпион по пьянке — вольно-пожарная дру-жина г. Балахны

В то время как в г. Балахне была ярмарка с пожарами, дружина устроила грандиозную пьянку по случаю 21-й годовщины со дня осно-вания. Так что вместо пожаров балахнинская вольно-пожарная дружина в полном составе заливала, главным образом, за воротник...

3. Чемпион по хамству — зав. кооперативом Городновского отделения, Павлово-Посадского потребит. общества

Исаев — чемпион тяжелого веса, так как служит в кооперативе. Однажды, когда камен-щики пришли после работы в кооператив и, вынув свои заборные книжки, попросили вы-дать им белого хлеба, Исаев ответил, что даст им только черный хлеб; так как они выпол-няют черную работу, значит им и полагается черный хлеб... а белый хлеб он бережет для чистой публики...

4. Чемпион по пусканию пыли в глаза — Ковровское упробюро

В 1927 году, несмотря на все возражения по-нимающих людей, упробюро начало строить стадион на песчаном месте, в центре города... В 1929 году стадион был построен, но после первого же матча и футболисты и зрители по-спешили удрать, так как невозможно было ды-шать от пыли.

РОМАНС О ТИГРЕ И ЧИСТКЕ

НОЧЬ. Спальня. Полумрак. Тепло до дурноты. Спит кенарь в клетке и молчат цветы. На креслах френч, перчатки и капот. В одном углу сундук, в другом — кют.

Постель двуспальная — супругов идеал — Гора перин, подушек, одеял. Жена и муж. Ей сдобных тридцать лет, А у него портфель и партбилет.

Его пленил дурманящий елей, — И он оглох под звон своих цепей. И шкура тигра мордой к столу Повержена под туфлей на полу.

Он за цветы, перины и капот Ей отдал мысли дерзостной полет... А у постели тигра верный глаз Под туфлей женской навсегда погас.

Москва гремит за пологом окна, Ей вторит в тон советская страна. А здесь кют льет мрачный полусвет, — И сдаться в КК придется партбилет.

Вл. Галин.

Т О Н К И Й П О Д Х О Д

— У Антошкина столько нагрузок, а вы его еще председателем нашей комиссии выбираете... Да ведь он же не сможет работать!

— Ну, и тем лучше: по крайней мере, и с нас тогда не станут требовать работы...

А. Ч.

САМОКРИТИКА С УДОБСТВАМИ

В небольшом учреждении предстояло об-щее самокритическое собрание.

— Не бойтесь за своего благоверного? — спросил любезно один из сотрудников супругу заведующего.

— Чего же бояться! — удивилась она. — Я читала резолюцию, которая будет принята. Ничего страшного в ней нет.

36
4/11/22

28416

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ
8 АВГ 1922
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

Рис. Штенберг

В ПРЕДЧУВСТВИИ ТЯЖЕЛЫХ СОБЫТИЙ

— Вы понимаете, Жорж, — мне хочется написать картину, полную ужаса и содроганья... Что-нибудь в роде „Изгнания из рая“... Или, например, „Пролетаризация нашего худтехникума“...